

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гончаров И. А.

Мельник Владимир Иванович,

доктор филологических наук,

профессор кафедры языкознания и литературоведения,

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет дизайна и технологии»,

Институт славянской культуры,

Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Российская Федерация

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ И ПОЭТИКЕ «МАЯ МЕСЯЦА В ПЕТЕРБУРГЕ» И. А. ГОНЧАРОВА

Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 14-04-00286
«Этика и поэтика И. А. Гончарова»

Аннотация: Рассмотрены вопросы жанра и поэтики одного из поздних произведений И. А. Гончарова «Май месяц в Петербурге». Дискутируется вопрос о жанровой принадлежности произведения и его отношении к поэтике «натуральной школы». За бытовым, очерковым содержанием обнаруживается глубокая этико-философская мысль произведения, лежащая и в основе романов Гончарова. Речь идёт о разрешении вопроса о смысле жизни в религиозном плане. Композиционная структура и иные составляющие поэтики позволяют определять не только очерковую, но и новеллистическую жанровую принадлежность произведения. Анализируется смысловое наполнение поэтики временных, событийных повторов и смены масштаба изображения: от бытовых деталей к космической высоте обзора событий. «Май месяц в Петербурге» — не очерковая зарисовка, а новелла о смысле и цене человеческого существования на фоне вечности, своеобразный итог размышлений Гончарова о жизни. Проводятся определённые параллели с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым. Рассматривается вопрос о месте поздних новелл («Май месяц в Петербурге», «Уха», «Превратность судьбы») Гончарова как об особом этапе его творчества.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, жанр, очерк, новелла, поэтика, смысл жизни.

Поздние новеллы И. А. Гончарова были написаны за несколько месяцев до кончины писателя и стоят в его творчестве особняком. Они как-то нарочито опрощены, прозрачны по композиции, по способам создания образа, по принципам психологической характеристики героев. Может создаться впечатление утраты творческой силы постаревшего романиста.

Кажется, что в произведении господствует очерковая описательность, столь распространённая в эпоху «натуральной школы». Стиль речи автора-повествователя

напоминает устный рассказ. Кажется, романист, уже не имеющий сил и воли обратиться к большим замыслам (известно, что он задумывал свой «четвёртый роман», но так и не приступил к его написанию) почти «отдыхает», занимаясь своей любимой, но не обязательной «работой»: он рисует пером, как он часто делал в письмах к своим знакомым, и только. Такое времяпрепровождение доставляло Гончарову, как известно, немалое удовольствие.

Исследователи не случайно заговорили о параллели с «натуральной школой»: к этому подталкивает множество едва ли не нарочито акцентированных автором деталей. Самое название «очерка» так и просится в известный альманах «натуральной школы» «Физиология Петербурга» (1845), где были собраны произведения с уныло однообразными названиями, вроде: «Петербургская сторона», «Петербургские шарманщики», «Петербургские углы», «Петербургский дворник» и пр. «Май месяц в Петербурге» почти идеально вписывается в указанный ряд названий. Единственный нюанс — привнесённое обозначение времени, а не места — месяц май. Как выясним позже, это отличие имеет принципиальный характер, несмотря на то что в очерке даётся описание обычной жизни петербургского дома (так что Гончаров — будь очерк написан в 1840-е гг. — мог бы назвать его, например, «Петербургский дом»).

Приёмы натуральной школы, метод описания, присущий физиологическому очерку, — всё это действительно далеко не чуждо произведению Гончарова. Если затронуть существенно важный вопрос о жанре «Мая месяца», то отчасти справедливо Б. Энгельгардт назвал его «своеобразной реминисценцией “физиологического” очерка 40-х годов» [7, с. 321–322]. Впервые в печати «Май месяц в Петербурге» появился с обозначением жанра: очерк [1]. В. А. Недзвецкий, считавший, что роман Гончарова тесно связан с жанром очерка и включает в себя различные его разновидности и элементы, писал: «К началу 70-х годов роман и очерк для Гончарова как бы меняются местами. Теперь уже не очерк служит подсобным материалом для романа, но нереализованные романические замыслы... служат тем арсеналом, из которого черпает автор в своей работе над малой формой... От романских “клочков”, по всей видимости, отпочковались, разрастаясь, “Май месяц в Петербурге”, “Поездка по Волге”... Роман Гончарова в конце жизни писателя как бы “рассыпается” на очерки и близкие к ним рассказы» [5, т. 8, с. 419].

К сожалению, исследователь не аргументировал эту интересную мысль. Зато он высказался о мотивах обращения Гончарова к очерку: «В 70–80-е годы Гончаров обращается к малой форме, и прежде всего — жанру очерка. Именно очерк будет отныне удовлетворять как требованиям по-прежнему живой фантазии писателя, его пронизательного ума, так и дару наблюдательности, неизбывной “привычке держать перо в руках”...» [5, т. 8, с. 413]. То есть малый жанр очерка позволял экс-романисту получать удовольствие от процесса творчества при отсутствии больших романских замыслов. Отчасти это верно. В одном из писем к А. Ф. Кони романист признавался, что самый процесс писания, самовыражения вошёл у него в привычку и стал своего рода необходимостью. В этом смысле разработка старых микрозамыслов, не вошедших по тем или иным причинам в романы, придание им самостоятельного

интереса — вполне реальная версия. Поэтому не удивительно, что исследователь приходит к выводу, что в очерке «Май месяц в Петербурге» «жизнь большого петербургского дома <...> полностью лишена внутреннего, психологического интереса, статична» [5, т. 8, с. 416]. Сходным образом определяет жанр произведения немецкий исследователь В. Козак: «Гончаров <...> решился на форму рассказа, которая во время его юности в 30-е годы XIX века, придя из Франции, была очень известна, а в 40-е годы — очень популярна — “физиологический очерк”» [8, р. 72].

На наш взгляд, В. А. Недзвецкий и В. Козак недооценили глубины замысла «Мая месяца в Петербурге», равно как и «Ухи», и «Превратности судьбы», не увидели больших, совсем не очерковых, художественных смыслов, объединяющих эти произведения в некое предсмертное завещание писателя. Иначе говоря, «Май месяц в Петербурге», при всей формальной близости к физиологическому очерку, совсем «не о том».

Предсмертные произведения Гончарова вообще, по сути, представляют собою не столько очерки, сколько новеллы, тяготеющие к философско-дидактической, отчасти притчевой, разновидности. Лишь на первый взгляд кажется, что «Май месяц в Петербурге» построен по законам «физиологии». В. А. Недзвецкий и сам почувствовал здесь нечто большее: «Новое — в большей, чем это доступно “физиологии”, выпуклости, типичности ряда фигур...» [5, т. 8, с. 441]. Так или иначе, но получается, что Гончаров всего-навсего несколько «улучшил» физиологический очерк 1840-х гг. Небольшая заслуга для автора «Обломова». И при этом совершенно проигнорирован вопрос о продолжающихся этико-философских, душевных и духовных поисках писателя. А в этом главное. Романист не просто наслаждался процессом писания, рисования типов, словом, лёгкого, мало к чему обязывающего творчества, но и продолжал искать свои пути к высшему идеалу жизни.

Кажется, что предмет описания в произведении — чисто очерковый: один день из жизни большого петербургского дома, описание типичных его жильцов из различных сословий русского общества. Каждый персонаж наделяется всего лишь одной доминирующей психологической чертой, за исключением «любимого», стоящего несколько особняком героя — управдома Ивана Ивановича.

Начинается описание с «главных» квартир. Генерал-граф Решетилов с семьёй занимает «большую квартиру в бельэтаже». Сразу же называется доминирующая психологическая черта графа: «Граф был человек военный и возражений на свои приговоры не допускал. Только от равных себе по чину он принимал противные его взгляду мнения. На низших же смотрел свысока». Очевидно, что граф Решетилов относится не к лучшей части высшего света, являясь именно его типичным представителем. Такова же и его супруга-графиня. Если муж занят государственными делами, то графиня существует и показана в духовно-эстетической сфере («Она не ездила, как большинство наших барынь, по магазинам, а посещала музеи, картинные галереи, мастерские художников»). Духовный портрет графини выполнен Гончаровым с видимой оглядкой на евангельскую притчу о сеятеле: «А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово и оно бывает бесплодно» (Мф. 13: 22). Именно о «посеянном

в тернии» свидетельствует гончаровское описание, ибо графиня даже «охотится» за «словом», но не слышит его и не принимает как руководство к действию: «К графине — то приедет русский архиерей, то католический прелат, иногда какая-нибудь великосветская барыня с визитом. Графиня одинаково говорила и с русским преосвященным, и с католическим прелатом, и с великосветской барыней. Услышит, например, она, что в такой-то церкви православный священник будет говорить красноречивую проповедь, она едет туда, выслушает и умилился искренно. Узнает, что готовится говорить католический прелат, она едет в инославный храм и также умиляется, как он хорошо говорил; точно так же с восторгом слушает и какого-нибудь апостола из светских проповедников, нужды нет, что он проповедует явный раскол. А к вечеру забудет их всех» [2, т. 7, с. 415]. Графиня, а вместе с ней подавляющая часть «высшего света» относится к тому типу людей, о которых в Евангелии сказано: «...но не имеет в себе корня и непостоянен» (Мф. 13: 21). Гончаров поднимает очень важный общественный вопрос — в сущности, о судьбе России: об утрате духовно-нравственного «корня» высшим классом.

Удивительно для «физиологии», но именно персонажи из высшего класса занимают в очерковой новелле наибольшее место. Помимо графа и графини, это, например, их гости. В описаниях чувствуется, что опыт изображения высшего света Л. Н. Толстым не прошёл даром для Гончарова, который, однако, принципиально лаконичен и стилистически нарочито «опрошен». Княгиня Перская характеризуется одной чертой (или, скорее, одна из черт жизни высшего общества персонифицирована в образе княгини). «Представь, я нынче сделала двадцать два визита... это ужас! — с неподдельным ужасом говорила она. Графиня с состраданием покачивала головой. — Осталось еще визитов тридцать! — со вздохом добавила она». Высший свет представлен и гостем жильца Чиханова — это князь Копылин, сноб, говорящий по-французски, но забывающий русский язык (проблема, к которой Гончаров часто обращался в своих статьях и письмах).

Коллективный портрет представителей высшего света выполнен Гончаровым почти без рассуждений и комментариев, пустота душевно-духовной жизни персонажей выдаёт себя сама — в мотивации действий, в репликах и жестах.

Не мог обойти Гончаров и ту среду, которую хорошо знал и которую воспринимает так же критично, как и «высший класс»: высшее и среднее чиновничество. Оно представлено в «Мае месяце» неприглядной фигурой «важного чиновника» по фамилии Вальнев¹.

Следующий типаж, проживающий «с другой стороны в бельэтаже», — «какой-то важный чиновник». Его характеристика, как и характеристика генерала, базируется на отношениях с низшими и высшими себя. «Он был небольшого роста, с маленьким лбом; с высшими себя почтителен, равных избегал, а с низшими нагл и настойчив» [2, т. 7, с. 415]. Подобная почти гротесковая характеристика персонажа показывает стремление Гончарова оценивать нравственность людей через их

¹ Пока неясно, следует ли искать истоки этого образа в фигуре реального знакомого и бывшего начальника Гончарова — графа П. А. Валуева.

способность быть самими собой, независимо от обстоятельств, т. е. через «порядочность», внутренний аристократизм, что возвращает нас к проблематике «Писем столичного друга к провинциальному жениху». Гончаров, прекрасно знающий чиновничью среду, даёт много подробностей, разоблачающих важность «важного чиновника»: «Он всегда был озабочен, говорил всем, что у него пропасть дела, и даже уверял свое начальство, что он не спит, не ест, а все делает дело. Выпросит себе какую-нибудь командировку, всегда полегче, а денег на нее побольше, сдаст все дела свои другим, и возится с этой командировкой целые месяцы; потом уверяет всех и каждого, больше всего свое начальство, что без него и без его трудов, дело бы стояло» [2, т. 7, с. 414].

Здесь же Гончаров помещает исполненные мягкого юмора жанровые сценки из жизни мелких чиновников (Юхнов, Брагин и Понюшкин).

Купечество представлено типом, непритязательно дополняющим типажи А. Н. Островского. Купец Гвоздев держит в доме винный погреб. Гончаров в описании этого персонажа вернулся к давнему мотиву донжуанизма. Гвоздев с порога своего погреба постоянно следит «восторженным взглядом» за сёстрами-девицами, дочерьми умершего коллежского советника.

Как и всегда, Гончаров с неподражаемым юмором описывает слуг, в которых вольно или невольно проявляется то, что часто остаётся скрытым в хозяевах. Таковы штатский и военный слуги графа, такова Маланья, прислуживающая мелким чиновникам.

Но, несомненно, важнейшее место в очерке занимает весьма симпатичная фигура управляющего домом Ивана Ивановича Хохлова, чья характеристика как бы противопоставлена всем остальным. Автор выражает явную симпатию к герою: «Чудный человек был этот Иван Иванович. Он всем умел быть полезен и всем угождал и никогда не расставался со своими шутками и со своей улыбкой» [2, т. 7, с. 413]. В финале новеллы фигура Ивана Ивановича станет основной иллюстрацией философских размышлений автора, о чём будет сказано ниже.

Во временном плане «Май месяц» чётко разбивается на три основных части. Первая часть: один типичный день большого петербургского дома, различных его жильцов. Некоторые персонажи новеллы-очерка целиком укладываются в узкие временные рамки этого дня. Описание по преимуществу статично, авторский комментарий практически отсутствует. Вторая часть — это описание тех изменений в жизни персонажей, которые произошли в течение трёх лет («прошел один, другой и третий май месяцы»). В этой части произведения господствует описание порою значительных и вовсе не очерковых изменений в жизни героев. Эти изменения и в то же время подчёркнутая неизменность позволяют автору от быта шагнуть к философской постановке вопроса в третьей части: а что такое время и меняется ли что-либо в жизни — и что именно?

Описание дня очень детально, автор указывает конкретные часы. Действие начинается ранее семи часов утра, когда в доме начинается первое движение. В семь часов в доме на сцене появляются дворники. Следуют исполненные юмора жанровые сценки, многие детали напоминают известный очерк В. И. Даля «Петер-

бургский дворник». Гончаров как бы постоянно следит за стрелкой часов: «Часов в семь дворник Архип вынес самовар, обхватив его, как друга, рукой и начал звать товарища своего пить чай», «Был еще восьмой час утра», «Наконец ударило девять часов», «Между тем настал полдень, затем завтрак», «В то же утро, часа в два, приехал к Чиханову старинный его приятель, богатый князь Копылин», «Часа в три вдруг графиня, как сидела, так поднялась со своего места, накинула, не глядя, какую-то мантилью на плечи, на ходу надела шляпу, перчатки. Ей подали экипаж, она села и поехала, куда глаза глядят», «Графиня вернулась к шести часам», «Настал вечер»...

Вторая часть новеллы интересна по замыслу. Она явно показывает, что доминирующим моментом в произведении является не физиологическое описание и не жанровые сценки, а философия времени. Автор начинает эту композиционную часть со слов: «Какой же вывод сделать из всего этого?» Вопрос сразу переводит произведение из плоскости очерковой физиологии в плоскость более сложных жанрово-художественных образований. Сразу после этого начинается очерчивание «второго круга», по которому идут события. Этот «второй круг», на первый взгляд, должен подчеркнуть неизменность, повторяемость явлений: «Прошел один, другой и третий май-месяцы... Их сменяли летние жары, потом осенние непогоды, зимние морозы и так далее. Дом стоят все на том же месте. Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятками» и т.д. [2, т. 7, с. 423–424]. То есть прошло три года — и ничего не изменилось: «Дворники, может быть, все тот же Архип и его товарищ, по-прежнему ставили самовары и пили чай, потом принимались мести двор и улицу, в ущерб проходим и проезжим, все с той же оговоркой: “полиция велит!” По-прежнему они плескали из шаек и полоскательных чашек воду на двор и мостовую.

По-прежнему проезжал по улице “сам” и, может быть, грозил пальцем дворникам и городовому. Швейцары графа и графини Решетилых все ссорились между собой, по-прежнему разбирали, кому какие журналы и письма» [2, т. 7, с. 424].

В. А. Недзвецкий подчёркивал как основу «Мая месяца» именно повторяемость и неизменность: «Интересна концовка-эпилог... Течет время, но жизнь, быт, нравы всех обитателей петербургского дома пребывают неизменными, однообразно рутинными. Все здесь, настойчиво подчеркивает писатель, по-прежнему... Статичность, обычно присущая “физиологическому” методу, преобразилась у Гончарова в способ итоговой характеристики изображаемой петербургской жизни — неподвижной, окостеневшей» [5, с. 441]. Между тем комментатор «Мая месяца» К. Н. Полонская ещё в 1950-е гг. очень верно выделила самые резкие отличительные черты произведения: «Очерк представляет особый интерес тем, что Гончаров пытается показать жизнь в развитии и изменении». В. А. Недзвецкий вторую композиционную часть новеллы называет «концовкой-эпилогом» [3, т. 7, с. 441]. Но это не так. Эпилог выделен Гончаровым в третью часть, и в этой третьей части как раз подчёркнут мотив изменения жизни: «Жизнь все жизнь, понемногу движется, куда-то идет все вперед и вперед, как все на свете, и на небе, и на земле...». В. А. Недзвецкий в данном случае идёт прямо вразрез с текстом, он утверждает: «...не изменился <...> и сам управляющий домом» [5, с. 441]. В тексте же, как раз в заключительной

третьей части, прямо написано: «А будто не изменился! Нет, видно, изменился и он, и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...» [2, т. 7, с. 426].

Во второй части новеллы Гончаров касается снова, но сжато и кратко, всех персонажей, в их доминирующих характеристиках. Лишь в первых трёх абзацах второй части автор отмечает, нагнетая определённое настроение, что всё идёт по-прежнему, всё идёт по кругу. Однако уже с четвёртого абзаца он начинает показывать подвижки в жизни героев, а порою и давать углублённые их характеристики и комментарии: «Граф Решетиллов уехал на лето в свое имение хозяйничать. Жена его, послушав проповедников русских и нерусских, отправилась за границу на воды, с дочерью и гувернанткой. Дети их ушли в лагерь. Квартира опустела» [2, т. 7, с. 424]. Важный чиновник Вальнев, «выпросив себе у начальства еще какую-то лепту, сосватал себе невесту, в купеческом семействе, как он хотел, с большим приданым» [2, т. 7, с. 424]. О чиновнике Брагине сказано: «Чиновник Брагин теперь уже управляет отделением. С экзекутором он по-прежнему закадычный приятель и получил казенную квартиру» [2, т. 7, с. 425]. Коренным образом меняется судьба чиновника Понюшкина: «Понюшкин уехал куда-то на юг, сделался русским социалистом, побратался с простым народом» [2, т. 7, с. 426].

Таким образом, во второй части диапазон тем и глубина повествования сильно меняются. Взамен жанровых сценок с дворниками и описания дня многоквартирного дома, появляются острые темы и обобщения: отношение к правительству, религии, уход в социалисты. Во второй части начинает приоткрываться широкий авторский замысел, который становится вполне ясен лишь в финале произведения.

Совершенно не в духе «физиологии» финальная часть произведения не только содержит имена известных учёных (Ньютон, Гершель, Фламарион), но и выходит на уровень философских размышлений над жизнью. Здесь три основных персонажа: управляющий домом Иван Иванович, его приятель, прозванный им «философом», и сестра последнего, молодая вдова, на которой Иван Иванович «не прочь и жениться».

Эти персонажи уже не очерковые, стержневым словом в этой части является слово «философ», ибо автор выражает здесь свою философию жизни, а герои — «охотники рассуждать об отвлеченных предметах». Философ-приятель «все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершеллей², до какого-нибудь Фламариона³, и

² Речь идёт о семье астрономов Гершеллей. Во-первых, это Уильям Гершель (1738–1822) — выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух её спутников — Титании и Оберона. Во-вторых, это его сестра Каролина Гершель (1750–1848), сделавшая заметные астрономические открытия. В-третьих, это Джон Гершель (1792–1871) — английский астроном и физик, сын Уильяма Гершеля.

³ Камиль Николя Фламарион (1842–1925) — французский астроном, известный популяризатор астрономии. В библиотеке Гончарова находились книги Фламариона: «La pluralite des mondes habites, etudes ou l on expose les conditions...» (Paris: Didier, 1872), «Les merveilles celestas, lectures du Soir» (Paris; Hachette, 1869), «Recits de l infini, humaine

все хочет добиться, есть ли жители на Венере, Марсе и других планетах, какие они, что делают и прочее?» Здесь сказалось увлечение самого писателя научно-популярной литературой, в частности, по астрономии.

В заключительной части новеллы органично и ненавязчиво проступает авторский взгляд на жизнь. Это взгляд вдумчивый и созерцательный. На чём он основан? К. Н. Полонская в своё время писала: «Другое отличие этого очерка от ранних произведений Гончарова в большей лаконичности письма, напоминающей Чехова» [3, т. 7, с. 532]. Напоминающей, но в известном смысле антагонистичной по отношению к автору «Дамы с собачкой». Лаконизм Чехова замешен на тонкой психологической игре автора с деталями. Лаконизм в «Мае месяце» подчёркнуто «непсихологичен». Скорее он напоминает о «народных рассказах» Л. Н. Толстого. Жизнь в «Мае месяце», и в ещё большей степени в «Ухе», «Превратности судьбы», несмотря на жанровую незначительность, изображается эпически. Точка обзора событий у автора весьма высокая: вечность, «космос» (недаром в эпилоге «Мая месяца» говорится об астрономии, о жизни на других планетах, хотя в целом в очерке изображается жизнь в отдельных квартирах одного дома), Бог.

Задачей автора, кажется, и является сопряжение «бесконечно малых» величин с «бесконечно большими». Д. С. Лихачёв в своей книге «Поэтика древнерусской литературы» писал: «Время в художественной литературе воспринимается благодаря связи событий — причинно-следственной или психологической, ассоциативной. Время в художественном произведении — это не только и не столько календарные отсчеты, сколько соотносительность событий» [4, с. 213]. Однако тема «Мая месяца», на первый взгляд, отсутствие этой соотносительности, а стало быть, и фактическое отсутствие времени или его полное равнодушие к мелкой суете человеческой жизни. События настолько ничтожны, но взяты в объектив изображения с такой космической высоты, что время (а вместе с тем и усилия человека в самореализации, в движении к идеалу и пр.) теряет свою цену. Оно ничто. Кажется, что Гончаров подаёт пример чисто восточной философии жизни. Однако главным, доминирующим в очерке является двойственность восприятия.

С одной стороны, ничего не меняется, всё повторяется, в этой повторяемости неуловимое содержание жизни, хотя и не её смысл: «Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятами». Тем не менее акцент сделан на последней, заключительной фразе произведения: «Нет, видно, изменился и он, и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...». Указанная фраза не решает вопрос о смысле жизни, но ставит этот вопрос. Маленькая суета, мелкий сор жизни (а способ повествования уравнивает суету жизни маленьких чиновников, кошек и голубей, дворников и аристократов) рассмотрены с космической высоты вопроса о том, есть ли жизнь на Венере. То есть с космической высоты (или в нравственном плане — с высоты Создателя) важное для каждого отдельного персонажа наполнение жизни кажется чем-то малознача-

histoire d'une cymete dans l'infini» (Paris; Didier, 1873). См. об этом: Описание библиотеки И. А. Гончарова. Ульяновск: Ульяновская областная научная библиотека, 1987. С. 111–112.

щим, «оттенками серого». В то же время последняя фраза «Мая месяца» говорит, что «все на белом свете» идёт куда-то «вперёд». Куда? Автор не отвечает на этот вопрос, предпочитая позицию созерцателя истины. Он лишь подчёркивает, что в этом мире ничего не проходит бесследно, что микроскопические изменения, пробивающиеся сквозь видимую повторяемость событий имеют высокий, «космический» смысл. Фраза «жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...» содержит внутренний отсыл, например, к роману «Обломов»: «Год прошел со времени болезни Ильи Ильича. Много перемен принес этот год в разных местах мира: там взволновал край, а там успокоил; там закатилось какое-нибудь светило мира, там засияло другое; там мир усвоил себе новую тайну бытия, а там рушились в прах жилища и поколения. Где падала старая жизнь, там, как молодая зелень, пробивалась новая...» [2, т. 4, с. 385]; «Но гора осыпалась понемногу, море отступало от берега или прилиvalo к нему, и Обломов мало-помалу входил в прежнюю нормальную свою жизнь» [2, т. 4, с. 386]; «Постепенная осадка ила, выступление дна морского и осыпка горы совершались над всем и, между прочим, над Анисьей: взаимное влечение Анисьи и хозяйки превратилось в неразрывную связь, в одно существование» [2, т. 4, с. 388]; «И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправления, как в прошедшем году, но жизнь все-таки не останавливалась, всё менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты: там потихоньку осыпается гора, здесь целые века море наносит ил или отступает от берега и образует приращение почвы» [2, т. 4, с. 385].

Акцентированные множественные параллели человеческой жизни с постепенными изменениями планетарного масштаба не случайны. Кажется, что жизнь Обломова в её микроскопических движениях, лишённых штольцевского масштаба, прошла даром. Но это не так. Ведь сам Штольц признал, что «таких людей мало; они редки; это перлы в толпе». Обломов оставил после себя наследника, Андрея. А главное — самой своей жизнью, своим «золотым сердцем» изменяет окружающих людей и жизнь вокруг себя. Об Агафье Пшеницыной сказано: «Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что Бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что засветилось в ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно» [2, т. 4, с. 502]. Но в таком случае и Обломов жил не напрасно⁴.

⁴ Несомненно, ошибочны высказывания О. И. Сердюковой: «Христианский пафос последнего описания Агафьи Матвеевны очень высок и не раз вызывал восхищение героиней у критиков и литературоведов, но это пафос одноплановый, пафос надгробия. Похожая на монашенку, терпеливо сносящая насмешки семейства брата героя не живет, а несет послушание в миру, выйдя за пределы... полноты и гармонии...» [6, с. 102]. Любопытно, что имеет в виду исследовательница под полнотой и гармонией, если Гончаров уже сказал, что «навсегда осмыслилась... жизнь ее». Героиня из небытия перешла в бытие: это гораздо более, нежели абстрактные «полнота и гармония».

Таким образом, как в самом «Обломове», а до этого в «Обыкновенной истории», так и — особенно — в поздних новеллах, где повторяемость как бы нарочито подчёркнута автором, безликое бытовое сознание, живущее обыденностью повтора, сталкивается с неожиданным эффектом обманутого ожидания, с проявлением личностного начала, с проявлением души и духа.

В «Мае месяце в Петербурге» Гончаров акцентирует ту этико-философскую основу, на котором базируются его романы. Естественно, что, подводя итоги жизни, за два месяца до своей смерти он пишет произведения, где психологизм не столь важен, как притчевость. Психологизм, во всяком случае в его романной глубине, упразднён, но зато яснее выступила та созерцательная, философская позиция автора, которая лежит в основе его мировоззрения. «Май месяц в Петербурге» — не очерковая зарисовка, а новелла о смысле и цене человеческого существования на фоне вечности, своеобразный итог размышлений Гончарова о жизни. Произведение тесно связано по замыслу с написанными в то же время новеллами «Уха» и «Превратность судьбы».

Несомненно, несущие на себе печать очерковости, они представляют собою отдельный этап творчества романиста, смысл и значение которого ещё предстоит осознать гончарововедению. На наш взгляд, Гончаров переживал ту же эволюцию, что и Л. Н. Толстой, который уже в 1880-е гг. от романистики переходит к повестям, рассказам и — параллельно — к богословским и религиозно-философским трактатам («Исповедь», 1879–1882, «В чем моя вера?», 1882–1886, «Царство Божие внутри вас», 1890–1893, «Исследование догматического богословия», 1881, и др.). Оба они, в разной, конечно, степени и разными способами, акцентировали в эти годы религиозно-проповедническую сторону своего творчества, ранее «растворённую» в романной форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гончаров И. А.* Май месяц в Петербурге: Очерк: (Посмертное произведение) // Сб. «Нивы». СПб., 1892. № 2. 259–276. Очерк опубликован с цензурными изъятиями. С. 259–276.
- 2 *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. издат. худ. лит., 1952–1955.
- 3 *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1978–1980.
- 4 *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М.: Наука, 1979. 360 с.
- 5 *Недзвецкий В. А.* Гончаров-очеркист // *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1978–1980. Т. 7. С. 413–429.
- 6 *Сердюкова О. И.* Обломов и Пшеницына: структурный параллелизм презентации героев // И. А. Гончаров (Материалы международной конференции, посвящённой 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова). Ульяновск: «Ника-дизайн», 2008.
- 7 *Энгельгардт Б. М.* /Предисловие/ // *Гончаров И. А.* Повести и очерки. Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1937. С. 321–322.
- 8 *Wolfgang Kasack.* Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Goncarovs Erzählung. Ein Mai in Petersburg // I. A. Goncarov. Beiträge zu Werk und Wirkung. Bohlau, Verlag, Koln, Wien. 1989. С. 71–77. Hg. von Peter Thiergen.

Melnik Vladimir Ivanovich,
Dsc in Philology,
Professor of Linguistics and Literature Studies Department,
FSBI HPE «Moscow State University of Design and Technology»,
The Institute of Slavic Culture,
Khibinsky proezd 6, 129337, Moscow, Russian Federation
 E-mail: melnikvi1985@mail.ru

**THE QUESTION OF GENRES AND POETICS
 IN «THE MONTH OF MAY IN PETERSBURG»
 BY I. A. GONCHAROV**

Abstract: The paper studies the questions of genre and poetics in one of the late works by I. A. Goncharov «The month of May in Petersburg». It discusses the question of the genre of the work and its relation to the poetics of the «natural school». A deep ethical-philosophical thought, which was in the basis of Goncharov's novels, lie behind the everyday plot. It comes to the solution of the question of the meaning of life in religious terms. Composition and other components of the poetics help us to determine the genre of the work not only as an essay, but also as a short story. The meaning of the poetics of time, event repetitions, and the change of the image scale: from household items to space height. «The month of May in Petersburg» is not an essay sketch, but a story about the meaning and the price of human existence on the background of eternity. It is a certain result of Goncharov's reflection about life. The paper discusses certain parallels with Leo Tolstoy, Anton Chekhov and examines the place of later novels («The month of May in Petersburg», «Fish soup», «Vicissitudes of life») by Goncharov as a special phase of his work.

Keywords: I. A. Goncharov, genre, essay, short story, poetics, the meaning of life.

REFERENCES

- 1 Goncharov I. A. Mai mesiaty v Peterburge: Ocherk: (Posmertnoe proizvedenie) [The Month of May in Petersburg: Essay: (Posthumous work)]. *Sb. «Nivy»* [Coll. «Niva»]. St. Petersburg, 1892, no 2, pp. 259–276. Ocherk opublikovan s tsenzurnymi iz"iatiiami [The essay is published with censorship exemptions].
- 2 Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] Moscow, Goslitizdat Publ., 1952–1955.
- 3 Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1978–1980.
- 4 Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The Poetics of Old Russian literature]. Izd. 3-e. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p.
- 5 Nedzvetskii V. A. Goncharov-ocherkist [Goncharov, essayist]. Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1978–1980, vol. 7, pp. 413–429.
- 6 Serdiukova O. I. Oblomov i Pshenitsyna: strukturnyi parallelizm prezentatsii geroev [Oblomov and Pshenitsyna: structural parallelism in characters presentation].

I. A. Goncharov (Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 195-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova) [Ivan Goncharov (Proceedings of the international conference dedicated to the 195th anniversary of Ivan Goncharov)]. Ul'ianovsk, «Nika-dizain» Publ., 2008.

- 7 Engel'gardt B. M. /Predislovie/ [Preface]. Goncharov I. A. *Povesti i ocherki* [Stories and essays]. Lenibgrad, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1937, pp. 321–322.
- 8 Wolfgang Kasack. Ein Meister auch der kleinen Form. Ivan Goncarovs Erzählung. Ein Mai in Petersburg // I. A. Goncarov. Beiträge zu Werk und Wirkung. Bohlau, Verlag, Köln, Wien. 1989, pp. 71–77. Hg. von Peter Thiergen.